

Эмилия-Романья. Земля, где когда-то витал дух Священной Римской империи и дыхание Папы, теперь возродилась как регион, где можно увидеть самые дорогие суперкары Европы.

Европейские улицы, к которым как нельзя лучше подходила пословица «море превратилось в шелковицу», сияли красным — баннерами тифози, жаждущих победы и встречающих сезон Гран-при.

Дэниелу Италия была не по душе. Если точнее — ему были не по душе тифози, живущие этим городом и дышащие им.

Фанаты Формулы-1, приезжающие на Гран-при Италии, делятся на две группы: тех, кто поддерживает гоночную команду Scuderia Ferrari, и тех, кто нет.

Ferrari — самая известная команда в мире спорта. Италия — их «передний двор». Поэтому здесь Дэниел был не просто пилотом. Он был лишь Линдбергом-младшим, сыном чемпиона мира Ноэля, принесшего славу Ferrari.

До тех пор, пока Дэниел не окончил академию пилотов Ferrari и не победил в Формуле-2, все без сомнений верили, что он пойдёт по пути своего отца. Потому что, говоря грубо, это складывалось в красивую картинку.

Большинство хотело снова увидеть, как Линдберг-младший поднимает чемпионский трофей за рулём Ferrari, воссоздавая былую славу и воскрешая воспоминания.

Его приёмный отец тоже был одним из них. Гордость Ferrari, единственный в истории автоспорта чемпион — отец и сын. Чтобы сделать из них новую надежду и будущее Ferrari, он буквально выковал Дэниела с детства.

Именно поэтому, когда Дэниел отказался от резервного места в Ferrari и подписал контракт с командой-аутсайдером, именно тифози высмеяли его сильнее всех, называя перспективного пилота глупцом, ослеплённым желанием дебюта. Эта чёртова фанатская толпа с одинаковым усердием сравнивала его с отцом при любом удобном случае.

Пятница. День практики, заездов на тренировках.

Выйдя из машины менеджера, Дэниел направился ко входу в паддок, натянув чёрную кепку с логотипом команды Onyx Featherway.

Но фанаты не собирались его упускать. Как только зрители Формулы-1 за ограждениями заметили его, они тут же заорали и протянули к нему камеры.

— Линдберг-младший!

— Сюда, Линдберг-младший!

— Дэниел, подпишите, пожалуйста! Или можно фото...

Толпа была отвратительно плотной — настолько, что без охраны человека впереди могли бы раздавить. Дэниел несколько раз махнул им рукой.

Более половины толпы было в красном. Болельщики в красных кепках и футболках — символе Ferrari — вели себя спокойнее остальных. Некоторые раскрасили лица, другие накинули баннеры как плащи. Все они были тифози.

Если Ferrari не побеждала, тифози могли освистать даже церемонию награждения.

И без лишних проверок было понятно, как жалко выглядит для них пилот, о котором ходили слухи, что он в ссоре с отцом-чемпионом и рушит собственную карьеру.

— Линдберг-младший! В этот раз постарайся хотя бы заработать одно очко!

Действительно, смех, почти неотличимый от насмешки, обёрнутый в привычный высокомерный тон, ударил ему в спину.

— Удачи, Линдберг!

Дэниел отвёл взгляд от них. В этот момент позади него разразились крики.

— Это же Серджио Мильштейн!

— Сюда, Серджио, пожалуйста, сюда!

— Удачи в сегодняшней гонке! Ты обязан победить!

— Я люблю тебя, Серджио!

Высокий рост и светлые глаза — характерные черты славянской внешности. Мужчина с добродушной улыбкой махал тифози, желавшим успеха Ferrari.

Он, без лишних возражений принимая лавину просьб об автографах, не забывал и о взаимодействии с фанатами — даже дал «кулачок» маленькому ребёнку. Когда его светло-серые глаза нашли Дэниела, они изогнулись в улыбке.

— Дэниел!

— Серджио.

— Ты только приехал? Рано ты сегодня.

Серджио Себастьян Мильштейн.

Первый пилот команды Ferrari, обладатель 14 побед на Гран-при и 48 поул-позиций. Пилот, которого большинство считало главным фаворитом сегодняшней гонки.

Дэниел спокойно ответил, спросив, не он ли тоже приехал рано, но его слова утонули в шуме болельщиков и не дошли до адресата.

Эмоции фанатов при виде претендента на чемпионство были за пределами воображения. Серджио, уже собиравшийся подойти для приветствия, с неловким выражением лица жестом показал, чтобы тот прошёл вперёд. Дэниел коротко кивнул — в знак того, что они поговорят позже.

Серджио, не в силах отказать фанатам, которые ринулись к нему так, словно готовы были вцепиться в воротник, в итоге оказался вынужден фотографироваться с шестью-семью мужчинами, выглядя при этом слегка растерянным.

Но вместе с тем в нём угадывалась и зависть к этой безусловной поддержке и непоколебимой преданности. То же чувство он испытал, наблюдая за тем, как на Гран-при Испании, где бы ни

финишировал Марсель Диас, на него всё равно обрушивались аплодисменты.

Каково это — получать поддержку, рождающуюся исключительно из чистой привязанности?

Дэниел молча смотрел на Серджио. Всё, чего у него никогда не было и что он не имел шанса испытать, находилось всего в десяти метрах.

Пламенная, ослепительная привязанность — и ясное, чистое стремление к победе.

Фанаты, протягивающие футболки и маркеры и умоляющие об автографе, так же чисты, как и победа, которой они жаждут. Это было зрелище, которое он — продолжающий карьеру по сомнительным причинам — никогда не сможет получить.

Долгое разглядывание того, чего у тебя никогда не будет, лишь заставляет чувствовать себя жалким. Дэниел, отвернувшись от шумных фанатов, ещё ниже натянул кепку.

День был насыщенным. В день практики нужно было выжать из заездов как можно больше данных. После сессии также были запланированы короткое интервью и съёмка для кампании.

Дэниел сознательно проверил расписание, отодвигая в сторону едва оформившуюся меланхолию.

Это случилось примерно в тот момент, когда он шёл по указателям в сторону пит-билдинга. Тёмно-фиолетовый спортивный автомобиль, медленно подъезжавший со стороны входа, не направился на парковку, а плавно остановился прямо у него на пути.

Дэниел, который спешил по делам, замер на месте. Мужчина, вышедший из машины, был ему незнаком.

— Твоя популярность, похоже, ниже, чем я ожидал, господин Дэниел.

Голос мужчины, достававшего портсигар из пальто, звучал раздражающе мягко.

— ...Алек Уокер?

Мужчина с безупречно завязанным галстуком и сегодня демонстрировал кожу, гладкую, как мрамор. От ослепительно привлекательной внешности до холодного, равнодушного взгляда, смотрящего на других свысока, — всё в нём оставалось неизменным.

Дэниел пристально посмотрел на человека, которого встретил в столь неожиданном месте. Подумать только, столкнуться вот так.

Встретить спонсора команды на трассе было неудивительно, но этот человек собственными словами заявлял, что спорт — пустая трата времени. И было ли вообще объявлено, что он приедет на эту гонку?

— Тебе стоит улыбаться. Здесь много глаз. Что ты будешь делать, если будешь хмуриться в таком месте?

— У меня просто такие глаза.

Дэниел быстро отвернулся.

К счастью, вокруг никого не было. С момента их первой встречи они обменивались лишь

резкими словами, называя друг друга «второсортным» и «гнилой водой», но ему не хотелось потом видеть в прессе очередную неудачную статью о том, что на трассе у него с кем-то «ужасные отношения».

Не имея другого выхода, они неловко стояли друг напротив друга. Алек, убрав портсигар, достал зажигалку. Лишь спустя секунду лицо Дэниела побледнело.

— Что вы делаете? Курение запрещено на территории трассы.

— Разве в здании нет комнаты для курения?

— Нет. Так что уберите это.

Дэниел указал на знак «Открытый огонь запрещён».

Гараж, куда уже завозили топливные контейнеры, находился прямо впереди. Когда он в очередной раз бросил на него свирепый взгляд, курильщик, всё ещё хмурясь, наконец убрал зажигалку.

— Гонка и так достаточно скучная, а тут ещё и курить нельзя. Худший день.

— Гонка ещё даже не началась. Почему вы заранее решили, что она будет скучной?

— Результат и так очевиден. С чего мне вообще надеяться на что-то?

— Нет правила, которое говорило бы, что сегодня всё будет так же, как раньше.

— Я посмотрел результаты команды Featherway за прошлый год. Ни в одной гонке у тебя не было позиции, которая свидетельствовала бы о твоей скорости. И что, утешать себя такими словами — что-то меняет?

«По крайней мере, я могу стараться сильнее», — уже собирался возразить Дэниел, но вовремя понял, что этот детский спор похож не на попытку убедить собеседника, а на упрямое отстаивание собственной позиции.

Почему тёплая весна так желанна? Потому что знаешь горечь пережитой зимы. Алек Уокер был спонсором, который не знал холода. Даже если вручить этому человеку трофей за первое место, будет ли он вообще рад?

Победа, которая для него была важна, как солнечный свет, для этого человека не могла означать ничего большего, чем просто цифру в результат-ориентированной логике. Осознав это, Дэниел неожиданно ощутил странную обиду.

— Если чей-то максимум в гонке кажется вам скучным, значит, есть только два варианта. Либо вы не умеете ценить труд, стоящий за процессом, либо вы человек, которому всё безразлично.

— ...

Противник, будто поражённый в самое уязвимое место, молчал, не находя ответа.

Алек не убрал слабую улыбку, но она больше напоминала оскал акулы. Его характерная жестокость и острота никуда не делись.

— Я давно об этом думаю, но, похоже, господин Дэниел от природы обладает талантом

говорить вещи, которые действуют на нервы.

— ...

— Есть ли какое-то правило, по которому за дерзость перед спонсором начисляют очки?

Он смял сигарету между пальцами и рассмеялся так, словно не верил услышанному. Холодный блеск, мелькнувший в его глазах, полностью выдавал его раздражение.

<http://bllate.org/book/17841/1706119>